

«От Советского информбюро... В течение двадцать девятого октября наши войска вели бои на Волоколамском, Можайском и Малоярославецком направлениях. За двадцать девятое октября под Москвой сбито тридцать девять вражеских самолетов...»

Страна жадно ловила фронтовые сводки.

Бушевал «Тайфун». Очередной взлет стратегической мысли гитлеровцев — масштабная операция по взятию Москвы — должна была, по убеждению фашистов, привести их напрямик к русскому Кремлю. Близкий триумф над обреченным восточным колоссом — Советским Союзом — уже казался миру вполне реальным, уже кружил головы высокопоставленному берлинскому фюрерству.

По-другому виделась ближайшая историческая перспектива уральскому пареньку Виктору Ваганову за полторы тысячи километров от Москвы, в тихом уральском городке Чебаркуле, куда Ваганов прибыл из Шарташа — района Свердловска, где стояли минометная батарея и батарея «сорокапятки» учебного артиллерийского полка...

В Шарташе, доспав остаток ночи после одной и второй тревоги, ранним утром — ровнехонько в шесть ноль-ноль — слышали бойцы строгую, четкую команду: «Подъем! Выходи строиться!.. Правое плечо — вперед, шагом марш!..» Старшина — сама аккуратность, идеальный образец строевой выправки — пред-

ставал перед подчиненными тщательно выбритым и одетым с иголки, словно собрался на свидание, а то и на свадьбу, вроде и не ждали старшину Ананьева через несколько минут плац, полигон и прочие подобные радости.

Выматывали бесконечные ночные побудки, круглосуточно доводили до изнеможения дальние марш-броски с полной боевой выкладкой. Вспухали, лопались, кровоточили, покрывались роговыми мозолями руки — этот мучительный процесс неизбежно сопровождал и совсем, казалось бы, безобидные занятия, вроде «изучения приемов самоокапывания и маскировки». Но городским труднее всего давалась конная подготовка.

Ваганов был «городским».

Кавалерийская наука универсальна. Нужно уметь ухаживать за лошадкой, но сначала научиться ее не бояться. Запрягать и седлать, но сперва — скакать без седла полным аллюром...

Однажды на полигоне во время занятий по конной подготовке наездник не справился, и конь понес. Ясный летний день, синее небо, зеленая травка... Артиллеристы — им согласно штату выдавались карабины — оружие на травке разложили красивым, как по линейке, рядком... В аккурат по карабинам и произошли «скачки с препятствиями». Конь такой хороший, в яблоках, симпатичный конь. Наездник — молодой, красивый. Но поди удержишься без седла на галопе, когда и шагом ездить не приводилось!

— Тяжело в ученье — легко в бою, — с философским видом процитировал Суворова старшина батареи Ананьев и, мгновенно преобразившись, строго, по уставному, добавил: — Два наряда вне очереди на конюшню!

В Чебаркуле солдатика, зачисленного рядовым в сорокапятимиллиметровую противотанковую батарею 1233-го стрелкового полка 371-й стрелковой дивизии, жизнь разнообразием не удивила. Как в Шарташе, многого не хватает. В Шарташе хоть карабины настоящие, а здесь на занятиях в казармах — деревянные макеты, оружие выдается только на стрельбище. Солдатам объясняют: все идет на фронт.

Новобранцы сплошь необстрелянные, почти никто даже не служил в армии. Но главное — опытных командиров раз-два и обчелся. Ротные и взводные в основном — зеленые выпускники Череповецкого пехотного училища, а политработники только-только «откованы» Красноуфимскими краткосрочными курсами. У Ваганова командир батареи лейтенант Губанов, комиссар старший лейтенант Фомин, старшина Чугаев — не исключение. В огневом взводе лишь лейтенант Максимов да сержант Климак — фронтовики, попавшие в батарею из госпиталя. Молодежь

тянется к ним, просит поделиться боевым опытом.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, потому отцы-командиры, не мудрствуя лукаво, учат подчиненных, как требует война, — все уроки, которые только возможны вдалеке от фронта, повторяются неоднократно с той частотой и напряжением, что уже свыше мыслимых человеческих сил.

«Тяжело в ученье...» Будет ли легче в бою, бабка надвое сказала, но то, что в ученье должно быть тяжело, даже в мыслях не подвергается сомнению. Народ терпит, преодолевает все, что полагается терпеть и преодолевать. Остальное, из чего состоит жизнь, все-все, взятое вместе, имеет значение меньшее, чем один, общий, вопрос: «Как дела под Москвой?» И еще волнует солдат: «Когда поедем на фронт?» Комиссар, заглянув в землянку в редкие минуты отдыха, устало улыбается и отвечает уверенно: «Под Москвой враг получит по зубам! А на фронт поедем, когда прикажут».

И проходит ночь за днем, и начинается новый день. Уральцы торопят его, торопят время, как будто оно не приближает их к войне, к фронту, к ранам и смерти, а ведет к чему-то лучшему и счастливому, о чем все до одного, не исключая рядового Ваганова, давно и страстно мечтают.

ПОД МОСКВОЙ

Седьмого ноября парадом войск Чебаркульского гарнизона командовал командир 1233-го стрелкового полка полковник Решетов. Принимал парад командир 371-й стрелковой дивизии генерал-майор Чернышев. Шестнадцатого на станцию «Чебаркуль» подогнали составы под погрузку. Бойцы пуце прежнего рвались схватиться с Гитлером, да и выглядели теперь вполне по-военному. Даже главный батарейный увалень — заряжающий Шатров — стал на удивление проворен.

Двадцатого ноября уральцы выгрузились в Ярославле. Штаб полка, в котором служил Ваганов, расположился в имении Некрасова в Карабихе. Батальоны — в Красных Ткачах, в Черелисино... В Карабихе Виктору доведется стоять на посту у дома великого поэта.

Первого декабря — погрузка на станции «Козьмодемьянск», короткий подскок — и эшелоны тормозят в Кимрах, Савелове, Сухом.

Артиллеристы прибыли к месту назначения ночью. Замаскированные тьмой, при строжайшей светомаскировке, на станции все-таки виднелись следы бомбежки. И несведущие легко могли догадаться: бомбили недавно.

Их выгрузили без промедления, без заминки, и они пошли пешком к фронту.

Теплая или по крайней мере умеренная, как могло предвидеться на суровом Урале, зима Подмоскovie встретила солдат лютым морозом и метелью. Казалось, от стужи замерзает дыхание...

В снежной пыли, днем и ночью, лесными дорогами идут войска. Скрипят

колеса повозок. Вскрапывают упряжки. Лошадиные гривы, воротники и шапки бойцов выбелены инеем. Шуршат закуржавшие полы шинелей, стучат по оледеневшей дороге солдатские ботинки и конские копыта. Промерзший воздух обжигает легкие, горячие учащенные выдохи тысяч людей и животных,двигающихся сквозь пургу и ветер, сливаются, смешиваются, курятся над колоннами синеватым, как бы стекленеющим от холода паром.

Марш вершится почти без остановок. Краткие привалы — только чтобы подкрепиться. Бойцы садятся, падают в колюче откристаллизовавшийся снег. Ваганов грызет мерзлый хлеб, выковыривает из банки закаменевшую в лед тушенку. «Эх, чайку бы горячего попить да поспать малость!» — хриплый, простуженный голос наводчика Рогова. Но разводить огонь запрещено.

Истекающий кровью фронт ждет не дождется подкрепления, ох как ждет сибиряков, уральцев, дальневосточников, их необстрелянные, зато полнокровные, свежие полки, бригады, дивизии — на смену, на поддержку остаткам взводов, рот, батальонов...

В безжизненном, безжалостном, холодном, как смерть, снегу не засидишься, не соснешь и получаса. В такой мороз одно спасение, одно условие не забыться ненароком навсегда — встать и идти. Встать и идти, даже если уже нет сил.

Солдаты медленно, тяжело поднимаются. словно тени, словно молчаливые привидения, в зыбучей туманно клубящейся ночи чем-то грустно похожие на обыкновенных земных людей, они бредут, бредут, спотыкаясь и засыпая на ходу. Плотно прижимаются друг к другу и только потому — не падают. Им не согреться в деревнях, попадающихся на пути: все дома забиты войсками. Потому они почти не смотрят по сторонам, не поднимают взглядов над высокими сугробами, над белым, выравнивающимся в даль и там сливающимся с ней, с пронзительной и неведомой этой далью, снежным безмолвием, в котором, бывает, не вдруг и разглядишь иную деревеньку среди бескрайнего зимнего простора.

Но эта, первая, по пути открывшаяся им совсем близко, несмотря на то что пуста, тоже не согреет их. Она разбита бомбами и сожжена немецкими факельщиками. Черные воронки вокруг и жуткие пепелища человеческого жилья заносит и никак до конца не может занести метель-поземка, от которой уже до бесчувственности задубели лица.

Одна деревня (кажется, Бирюлево) немало удивит. До конца войны Виктор уже не увидит такой картины: во всю длину улицы, по левую сторону, стоят большие открытые бочки с малосольной горбушей и сельдью. По правую — прямо на снегу — лежат горы свежеспеченного хлеба. От него еще идет пар! Бойцы берут, едят на ходу, да еще и прихватывают, кто сколько может, про запас...

Они все шагают, шагают, уже не ощущая себя, не ощущая ни души, ни тела. Но твердо веруя, точно зная, что — дойдут, что, в конце концов, победят и эту лютую декабрьскую непогоду, и этих поганых фрицев, которые принудили их, уральских мужиков и парней, оставить родившую их далекую землю и идти теперь по этой, ставшей непригодной для жизни, зимней подмосковной степи.

Временами слышны дальние орудийные выстрелы. Горизонт по ночам багровеет от зарев пожаров. Иногда можно различить: где-то гудят самолеты и дробно потрескивают зенитки.

Фронт приближается. Все больше верст из первого в жизни стопятидесятикилометрового марша остается за спиной рядового Ваганова, все меньше дней и часов отделяют его от войны.

В полночь с пятого на шестое декабря 1233-й стрелковый полк подойдет к передовой линии обороны и остановится в оборелом, вспаханном снарядами лесу. Затемно подразделения займут отведенные им исходные рубежи. Будет тревожно и тихо. Лишь изредка простучит короткая пулеметная очередь — там, на самом переднем крае. Да вдруг ослепит черную ночь осветительная ракета.

К утру старшина Чугаев привезет завтрак и первые в жизни Виктора Ваганова фронтные «сто грамм наркомовских». И еще старшина осчастливит артиллеристов валенками. Ваганов с наслаждением

снимет ботинки с обмотками и облачится в катанки-пимы.

На рассвете мороз еще придавит, и подарки от старшины придется кстати. Ваганов присядет на холодной станине орудия, и его одолеют извечные солдатские думы. О мире, о том, что было до войны. О родимой земле, где еще вчера жизнь впереди представлялась безоблачной, светлой и — он, правда, не знал, в чем это должно выражаться — во всех отношениях непременно счастливой. И, конечно, о земле этой — подмосковной, о самой Москве, о смертельной угрозе любимой столице. И — значит — угрозе

лично ему, Виктору Ваганову. Потому он теперь здесь, потому орудие его готово к бою, и бой скоро начнется...

Вышло, что не он один думал сейчас об этом.

— Ну, товарищи, пришел и наш черед бить фашистов! — негромкий, словно обращенный к самому себе голос комбата Губанова вывел Виктора из задумчивости, повторив то, о чем размышлял солдат.

Командир батареи смотрел в сторону противника, пытаясь в предрассветной сутеми разглядеть снежное поле, по которому, предполагал Губанов, через самое малое время предстояло наступать.

МЕРТВЫМ ТОЖЕ ХОЛОДНО

Он скоро увидит их. Они будут выбегать из еще целых и уже вспыхивающих быстрым огнем, рушащихся от взрывов домов прямо в исподнем — в белых, сливающихся со снегом рубахах навывпуск, в белых кальсонах с тесемками у щиколоток — незавязанными.

Он скоро увидит их, и они окажутся внешне такими же, руками, ногами, головами похожими на всех иных человеками, отличающимися от Ваганова, от его друзей-сослуживцев лишь тем, что не знают и сами — зачем они пришли, куда их не звали, и почему не торопятся туда, где их ждут.

Он скоро увидит их. Но для этого надо дожидаться приказа, надо вступить в бой и не погибнуть, и не потерять сознания от раны прежде, чем они, захваченные врасплох нашим наступлением, начнут выскакивать из домов, со сна плохо соображая, что происходит.

А пока бой не начался, в сознании Ваганова по второму и третьему кругу проворачиваются одни и те же солдатские думы — простые, как жизнь, и неизбежные, как смерть. Он ничего не имеет против них, этих своих дум, а, наоборот, пытается укрыться за ними от совсем недавних впечатлений, неприятных и тяжелых, о которых почему-то именно сейчас назойливо напоминает память.

Первый убитый... Он лежал в кювете на подходе к Орловке. Он был нашим.

Из той дивизии, которую сменяла 371-я стрелковая. Ваганов не знал ни номера этой дивизии, державшей здесь фронт прежде, ни этого ее бойца, чье одинокое, сведенное предсмертной болью и посмертным холодом тело коченело у дороги, по которой двигалось к фронту пополнение. В общем-то, вполне объяснимо, что первый погибший, попавшийся на глаза, оказался русским — трупы немцев, конечно, могли находиться по другую сторону фронта. Да, это было объяснимо, но — неправильно. Виктору представлялся сильно несправедливым сам факт, что погибший за Родину солдат так вот, неизвестно сколько времени, лежит неприбранный и люди, соотечественники его, проходят мимо, не останавливаясь и ничего не говоря...

Страшная правда войны открывалась Ваганову. Его душа скорбела. Его патриотизм, не имевший и маленького пятнышка сомнения, стоящий на том, что советский человек больше жизни любит свою страну, но и страна любит его и поэтому не может допустить, чтобы павший в бою лежал на виду у своих камнем у дороги, — этот патриотизм Ваганова был возмущен и оскорблен.

Горькое чувство скоро не то чтобы притупится, замрет, но заместится другим чувством — чувством праведного возмездия: в деревне Аксеново он увидит первого убитого немца.

Внешне немец запомнится лучше, чем наш. Может быть, потому, что будет одет не в серенькую шинель, крепко уже припорошенную снегом, а во все черное, видимо эсэсовское, одеяние. Он будет лежать навзничь опять же у самой дороги, широко раскинув большие руки. Такой породистый, здоровущий

немчина, с крупным серебристым крестом на черной груди. Вот тут, в этот момент, когда Ваганов увидит мертвого эсэсовца, он поймет, поверит абсолютно и несгибаемо: под Москвой уже очень скоро врага ждет отпор и отсюда, из-под Москвы, война повернется в другую сторону...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Едва ли комбату Губанову до срока были известны замыслы командования, от которых зависела судьба его батальона. Тем более не ведали этих замыслов рядовые. Но обостренным, можно бы сказать, звериным почти чутьем точно улавливает солдат атмосферу происходящего и редко ошибается в своих прогнозах.

Губанов оказался прав.

Рано утром, в полной тишине, без артподготовки, без криков «Ура!» войска пошли в наступление. Артиллеристам была поставлена задача: идти в боевых порядках пехоты, поддерживать ее огнем.

С бугорка, где стояло орудие Ваганова, можно различить, как поднимались из окопов цепи стрелковых рот и, бредя по глубокому снегу, исчезали в морозной полумгле. Окопы опустели. Расчет получил приказ двигаться за атакующими.

Кони тяжело тянули орудие по сугробам, которые взрыхлили ушедшие вперед пехотинцы. Стылый воздух наполнялся шумом боя. Схватка завязалась впереди, в невидимой пока деревне. К треску автоматов и перещелку винтовок, то и дело заглушаемых разрывами гранат, будто проснувшись, присоединился, захлебываясь длинными очередями, немецкий пулемет. Гася далекие, все слабее мерцающие в прорехах туч звезды, прочерчивали темное небо ракеты. По неровной линии переднего края немцев и из глубины их обороны сверкали выстрелы. Пели пули, и почти сразу стало Ваганову удивительно, что ни одна из них еще не попала в него.

— Вот оно, началось! — услышал он чьи-то слова рядом, но не разобрал, кому они принадлежали. Он быстро, почти мгновенно, согрелся, и теперь тело уже не чувствовало озноба — стало жарко.

Взмокшая одежда прилипла к коже. Пот заливал глаза. Кровь молотками стучала в висках.

Виктор с трудом поспевал за пушкой.

Деревня неожиданно открылась слева, у леса. Она загорелась и стала хорошо видна артиллеристам. Пламя осветило и поле боя, в багровых всплесках огня различались темные фигуры на алеющем в зареве пожара снегу. Неподвижные...

Чуть в стороне от пушкарей кто-то копошился — Ваганов не сразу сообразил, что это тянут провод связисты. Там, куда ушла, куда продолжала рваться пехота, то затихала, то усиливалась перестрелка.

Расчет сорокапятки почти догнал стрелков у деревни. На дальней ее окраине гремел бой. Артиллеристы не знали, прошли ли пехотинцы деревню насквозь под покровом темноты, воспользовавшись тем, что не ожидавшие атаки, захваченные врасплох немцы не успели прийти в себя и должным образом организовать сопротивление, или атаковали ее обходным ударом. Во всяком случае, Ваганов и его товарищи тотчас убедились в том, что не весь враг в панике убежал по проселкам. Едва они въехали в деревенскую улицу, с чердака одного из домов ударил фашистский пулемет. Как будто споткнувшись, упал в снег заряжающий Саратов — первый раненый в расчете. Но солдаты успели засечь место, откуда бил немец, и, быстро развернув орудие, двумя снарядами разнесли пулеметное гнездо.

К полудню продвижение замедлилось. Опомнившись, гитлеровцы начали кое-где активизироваться, переходить в контратаки, не имевшие заметного успеха. А к вечеру появились наши танки, и пехота, идя за ними вплотную, опять энергично устремилась вперед.

Воздух пропитался духом сражения — горьким запахом пожаров, кислым, першашим в горле, спаленным порохом, вонью горячей техники. Снег стал серым от копоти. Разбитые орудия, брошенные автомашины и мотоциклы, чадающие танки дополняли картину. Тут и там торчали в снегу трупы в неестественных позах: серо-зеленые шинели чужаков вперемешку с нашими серыми; в маскхалатах и без них, некоторые — в полушубках и телогрейках.

Бой продолжался и на следующие сутки.

Седьмого декабря у населенного пункта Слобода батареи попала под бомбежку. Из строя вышло два орудия и несколько лошадей. Расчет Ваганова остался без пушки, а его командир, младший сержант Климак, получил ранение. Понесшая потери батарея прибыла в деревню Мужиково.

Стрелковые батальоны изрядно поредел в непрерывных боях, и артиллеристам приказали влиться в боевые порядки пехоты. Две уцелевшие пушки поставили на прямую наводку.

Утром восьмого гитлеровцы открыли массированный огонь из шестиствольных минометов. Еще не стих огневой налет, из леса, темнеющего метрах в пятистах от позиций уральцев, вывалило до батальона фашистов. Выровнявшись в цепь, они двинулись к нашим окопам. Это была типичная немецкая атака: с автоматами у пояса, с пальбой на ходу от живота.

Наша оборона замерла.

ШЕВЕЛЕВО

День и ночь шли бои за Клин, первый город на боевом пути дивизии. Населенные пункты вблизи города переходили из рук в руки по несколько раз.

Двенадцатого декабря немцы бросили в бой до ста танков. В небе непрерывно гудели вражеские самолеты. Мощные взрывы, точно обвалы, сотрясали землю. Враг раз за разом бросался в контратаки. Но сломить уральцев фашисты не смогли.

— Приготовиться к отражению атаки! — Виктор расслышал надсаженный голос Губанова, вдвоем со связным хоронящегося в маленьком окопе и в бинокль разглядывающего атакующих. Ваганов с наводчиком Роговым находились в окопе близко от командира батареи. Рогов пытался и все никак не мог скрутить козью ножку. Мины с хрустом лопались вокруг, осыпая окоп землей. Враг приближался. Уже видны лица автоматчиков. Немцы явно прибавили шагу... Пора!

Кажется, в окопах выстрелили все разом. Залп получился дружный. За ним грянул второй. Из ложины слева заговорил максим. Справа ожили ручные пулеметы. Через головы обороняющихся с шелестом понеслись снаряды. Это вступила в бой семидесятишестимиллиметровая батарея. Черные султаны разрывов взметнулись в боевых порядках врага. Цепи его смешались. Еще мгновение — и гитлеровцы, оставляя убитых и раненых, повернули назад...

Батарея считала потери. Ранен комбат Губанов. Ранен комиссар Фомин. Убит подносчик снарядов Семен Юдицкий. Это ему перед боем внушал старшина Чугаев: «Не торчите над бруствером, или вам жизнь не дорога?» «Я человек маленький, в меня трудно попасть...» — отшучивался Семен...

Поздним вечером артиллеристов отвели в недалекий тыл. В штабе полка, в деревне Аксеново, Ваганова и пять его сослуживцев, умеющих ездить верхом, временно прикомандировали к комендантскому взводу.

Тринадцатого декабря решетовцам пришлось схватиться с немцами в жестоком бою у деревни Шевелево. Деревня — одно название: всего-то несколько домов...

Первый батальон атаковал в лоб. Стена огня встала перед солдатами, многие упали на белый снег, пятная его алой горячей кровью, — упали и не поднялись. Атака захлебнулась. Новая попытка, и

опять — неудача. Только больше неподвижных тел осталось на поле боя...

Стихло под Шевелево лишь к вечеру.

Решетов убито. Страшные потери, одних убитых — около трехсот. Раненые, обмороженные... Полк еще не весь обут в валенки, а мороз жмет под сорок. Редет солдатский строй, но задача не выполнена...

И впрямь — утро вечера мудренее. Четырнадцатого декабря немцы боя не приняли — оставили деревню, не дожидаясь нашей атаки.

...В деревенской избе, в красном углу — под иконами — сидят комиссар полка капитан Нефедов и оперуполномоченный особого отдела старший лейтенант Солдатов. С шумом открывается входная дверь, в избу врывается морозное облако. Двое дюжих автоматчиков в маскхалатах вталкивают плохо стоящего на ногах, дрожащего человека. Один из автоматчиков докладывает:

— Товарищ комиссар, вот — дезертира поймали!..

Нефедов долго молчит, смотрит с удивлением, с изумлением даже.

— Где вы его взяли?

— В доме на краю деревни, на печи, отогрелся у какой-то бабульки.

Красноармеец, возраст которого невозможно определить, — среднего роста, худощавый, с закопченным, обросшим щетиной лицом, — стоял перед офицерами с видом почти отрешенным. Ноги его закутаны в тряпье и солдатские обмотки, из-под которых виднеются стоптанные, большого размера ботинки.

— Так! — Удивление в голосе и в выражении лица комиссара вытесняется

негодованием и презрением. — Значит, наши дерутся с врагом, не жалея жизни, а ты, мать... так!.. На печке... Шкуру спасай, сволочь!.. Гад! Предатель!.. Молчать!

И после тяжелой паузы:

— Расстреляй подлеца. Немедленно!

Взвизгивая, переходя на фальцет, повторяет:

— Да, расстрелять и — баста!

Комиссар поворачивается к особисту:

— А ты, Солдатов, потом оформи, как положено!.. Автоматчики, выполняйте приказ!

Нефедов рукой указывает куда-то за дверь, можно понять — в сторону огорода. Но боец, как будто вдруг придя в себя, трясушимися губами выдавливает, хрипит:

— Н-но... н-ноги... това... комисс... ноги у ме...

— Какие еще ноги?! — гневно (брови сцеплены возмущенно и кулаки сжаты до побеления в костяшках пальцев) бросает комиссар.

— Обм... рож... ны... н... ги, — уже чуть более внятно получается у бойца.

Нефедов косит взглядом по странной обувке солдата.

— Что же ты сразу-то не сказал? — Тон у комиссара меняется. — Санинструктора сюда! — И, дождавшись санинструктора: — Проверь, не врет ли...

Едва потянули ботинок с ноги, красноармеец завыл от боли.

— В медсанбат его, немедленно! — кричит комиссар.

Ваганов, ставший случайным свидетелем происходящего, не может понять, чего в голосе комиссара больше — еще не успевшего остыть гнева, или сострадания к бойцу, или радости за него...

КЛИН

После трехсуточного штурма 1233-й стрелковый полк ворвался в Клин. Взятый в кольцо советскими войсками, к утру пятнадцатого декабря город будет полностью очищен от врага.

На окраине, бывшей передней линией немецкой обороны, — развороченные бомбами дзоты, кучи битого кирпича, перепаханые снарядами траншеи, груды

искореженного железа... Повсюду дымящиеся развалины зданий, обгорелые заборы... На месте домов, совсем недавно хранящих тепло и человеческую жизнь, в черных печных трубах — завывание ветра. Но страшную картину разрушения затмит вид центральной площади. Со сложенными в штабеля оснеженными телами расстрелянных... С раскачивающимися на

ветру трупами повешенных... В музее-усадьбе Чайковского — выбитые окна, во дворе — изуродованный бюст композитора. На грязном снегу разбросаны ноты. В доме — гараж для мотоциклов...

Уцелевших жителей очень немного. Ваганов еще не видел, чтобы так плакали. Кто рыдает неудержимо, кто — беззвучно: по неподвижным лицам, словно сами по себе, текут слезы...

В Клину — короткая передышка.

В батарее из четырех осталось два орудия, несколько лошадей — пушки на конной тяге — выбило, кто-то из солдат ранен, кто-то убит. Замкового героической противотанковой «сорокапятки» рядового Ваганова, уцелевшего под бомбами, которые на подходе к городу накрыли артиллеристов, перевели во взвод конной разведки.

Рано утром шестнадцатого декабря решетовцы выступили из Клина. Вдруг с колокольни по хвосту походной колонны хлестанула автоматная очередь. Оказалось, там затаился гитлеровец. Его схватили. Вид фашиста был ужасен: грязный, голова обмотана одеялом, поверх шинели натянут рваный полушубок, ноги в больших соломенных чунях...

КРАСНЫЙ ПОСЕЛОК

С наступлением темноты отделение разведчиков, восемь человек, ушло на задание. Осторожно подобравшись вдоль речки, подъехали к деревне. Тихо вошли, огляделись. Командир отделения сержант Денисенко одного послал в полк с донесением, что деревня свободна и приказ исполнен на все сто: и для санчасти здание отыскали, и для штаба целехонькое нашли.

Во дворе крайнего дома обнаружилась крепкая баня, оборудованная немцами, дзот настоящий: накаты бревен и сверху хороший слой земли. Ее разведчики облюбовали для постоя. Уральцы дивились: никак не ожидали увидеть баню без пола, баню по-черному. Казалось: Подмосковье, ближе к цивилизации. И Ваганов раньше не встречал такого. В литературе читал об этом, а видеть не видел. А тут, смотри-ка, под самой Москвой — баня по-черному...

И снова — «белоснежные поля под Москвой». Сказать правду — не очень белоснежные. В черно-рыжих воронках вывернутой снарядами и минами земли... В бесчисленных пятнах краткое мгновение дымящейся — красной, а потом — буреющей, в коросту смерзающейся крови... В серых, пепельных заплатах остывших и еще курящихся вонючими дымами пожарищ. Сплошного фронта местами нет: немцы сидели по деревням, спасаясь от холода, а когда отступали, факельщики старались все спалить...

Решетовцы двинулись на Высоковск, уже взятый нами.

Придорожный пейзаж — обычный для фронта. Кюветы, обочины завалены разбитой и брошенной немецкой техникой: танки, бронетранспортеры, штабные машины. Ветер гоняет по снегу бумажки — еще вчера, быть может, важные какие-то документы. Приглушенная расстоянием, слышна канонада. 1233-й стрелковый снова идет туда, где гремит бой.

За Высоковском, когда до ближайшей деревни Красный Поселок оставалось километра полтора, комполка приказал разведчикам прощупать, что там и как.

Гонец уехал, остальные, привязав коней по периметру городьбы, расположились отдохнуть в укрытии. В шутку немцев благодарили: соломку фрицы оставили.

Часов в десять вечера 1233-й стрелковый стал втягиваться в Красный Поселок. Молча, без огней, без — не дай бог! — курева. Но — снег, мороз; разумеется, скрип колесный. Повозки были не санные — длинные такие армейские повозки на колесах. Зима холодная, далеко разносится скрип по снегу.

Немцы не глухие: за речкой, на взгорке, надо полагать, был у них НП. Едва полк сконцентрировался в деревне, загремела канонада.

Ребята отдыхали, а Ваганов сидел в середине блиндажа: развел на земляном полу огонь, варил из концентратов

кашу. С недолетом упал первый снаряд, с перелетом второй, Виктор успел подумать, что несколько накатов бревен и вот эту могучую матицу над головой едва ли пробьет. И только он так подумал, баньку рвануло. Хорошо еще, земля накрыла, потушила костер. Ваганова, придавленного обрушившейся кровлей, присыпало этой спасительной землицей.

Очнулся — светало уже. В глазах красные круги, правая рука зажата бревном, под шинель набилась земля... Опять же, родная, оберегла — и от холода смертного: за ночь под калеными бревнами — недвижимый, бесчувственный, похороненный живо — очурился бы солдатик как пить дать.

Утихомирились неохотно кровавые сполохи, мало-помалу разглядели глаза свет божий. Струился он откуда-то сбоку-сверху, через дырочку невидимую проникая извилистым путем в толщу завала. Давай разведчик царапаться одной левой, выручил беспомощную правую, вытащил ее, ощупал, убедился обрадованно — целы косточки, прижал к телу. Долго ли, коротко ли выскребался из-под земли, оставалось, кажется, совсем немного, и тут кто-то подошел. Откопали его, подхватили, поставили на ноги, и двинулся он сначала сам, но недалеко утлепал. Пришлось однополчанам положить на носилки. В санчасти оглядели: вроде и нет ничего особого. Только рука висит плетью. Ну, тошнит, голова кругом, мозги качаются из стороны в сторону, ноги не держат — это пройдет.

Начальник санчасти майор Обухов удивлен: ты, говорит, в рубашке родился. Один из семерых... Да, повезло! Вот только заикается. И отчего вдруг, ведь не

успел испугаться: варил себе кашу, бах — и улетел, откуда испуг-то?

Разрыли блиндаж, мертвых прибрали по-фронтовому. Только шапку вагановскую не нашли, без шапки остался. А тут вскорости командир вызывает. Как в этакий морозище стриженному под ноль? Намотал одеяло на голову, потопал. И попутно — к зам по тылу капитану Елизарову. Тот оправдывается: сейчас, мол, шапок на складе нет. Нервные все раздали. Вон — махнул рукой — там, в овине, лежат шапки раненых бойцов...

Ваганов правду знал. Этим «раненым» шапки уже не понадобятся. Однако куда деваться, заглянул в овин. Смотрит, точно: два вороха ушанок, штук сто будет, наверное. Порылся, отобрал размера подходящего. Двумя пулями автоматными пробита обнова вот здесь, в затылке. Чуть только окровавлена. Это потом почистится, подотрется. Состирнуть не выйдет — зима во какая, где тут высушишь? А дырочки зашить — дело нехитрое.

Ему и впрямь несказанно подфартило. Видно, попался добросовестный ангел-хранитель, не утратил бдительности тринадцатого января 1942 года. Как раз в день рождения рядового Ваганова — исполнилось ему ровненько двадцать.

Вернулся из санчасти, где пролежал пару недель с контузией. Говорить никак не может. Мычит, икает.

— Ну что с тобой, Ваганов, делать? — развел руками комиссар Нефедов. — В тыл отправлять? Давай почтальоном... У нас как раз Гришин выбыл, ранило его. Пока приходи в себя, вот, поработай. Иди к начальнику ветчасти, передай подполковнику, что я приказал тебе выделить верховую лошадь. Лошадь, вот, и чтобы седло. И приступай к работе.

ОВСЯНИКИ

Деревня — наполовину сожженная. Холодным выюжным вечером после утомительного перехода полк остановился здесь отдохнуть и хоть как-то обогреться. Бойцы битком набились в уцелевшие избы. В доме, где оказался Ваганов, на печи сидели старик со старухой. Старуха ворчит: «Черт принес

вас, проклятых антихристов, погибели на вас нет!» Дед пытается урезонить — она не понимает. Кто-то из бойцов — надоело бабкин скрип слушать — клацнул затвором винтовки, старая мигом смолкла...

Виктор вышел из душевной избы. Метель утихла, проклюнулась луна.

Нужно было доставить почту командиру полка. Вот дом, где разместился штаб. На середине улицы — полковник Решетов и начштаба майор Петров. Комполка в белом тулупе, с тростью в руке — он с ней не расставался. Хрипловатый голос гремит в ночном морозном воздухе:

— Почему полк не готов к маршу?!!

Петров что-то объясняет, но полковник не слушает, заводится сильнее:

— Почему... не готов?!. Твою мать!.. — и бьет майора тростью.

Тот, закрываясь руками, старается повернуться.

— Куда?!! Пристрелю!!!

Чтобы не попасть на глаза разгневанному начальству, почтальон юркнул за угол...

Лишь однажды видел он Решетова другим. Принес ему несколько писем сразу, комполка внимательно, не торопясь, как бы растягивая радость, прочел, от кого они, и — пустился в пляс!..

Сейчас причиной крайнего раздражения полковника была медлительность бойцов: Решетов получил приказ как можно быстрее выдвинуть полк на позиции, а батальоны с явной неохотой выстраивались к маршу.

Через неделю или чуть больше Василия Ивановича доставили на санях из-под Ножкино в Воскресенское: на обескровленной, мертвенно-белой коже на левом виске четко выделялось черное входное отверстие от пули снайпера. Солдаты, оказавшиеся рядом, склонив головы, молча смотрели на холодное неподвижное лицо командира. Потом прикрыли тело уже неспособным согреть его белым тулупом и увезли.

Полк принял майор Петров. Но командовал всего несколько дней — был тяжело ранен и в дивизию не вернулся. Петрова сменил капитан Кашин. Вскоре и его ранило. В командование полка вступил майор Хмелев.

ПОД РЖЕВОМ

Уральцы вели ночной бой за деревню Кокоскино. Теперь, скованные морозом, лежат на снегу тела погибших. Их двадцать три. Первый в ряду совсем молодой лейтенант. Вчера Ваганов видел его на передовой.

Ох, как холодно на белом свете! Без перемены метет поземка, обжигает лицо потяга от реки — обжигает лицо и пронизывает до костей тело, в котором теплится промерзшая насквозь, судорогой сведенная от боли душа.

Хмуро зимнее небо, мрачен февральский день. На уступе под крутым берегом Волги в йодисто-желтом, по-зимнему неподатливом суглинке выбита-выковыряна могила. В сумеречь ямы наматает снежок с бруствера.

Крутизна берега не позволяет падать сюда снарядам. Они с воем пролетают над головами и рвутся вниз на льду реки. Иной, попадая в полынью, тонет не разорвавшись. Случись кому в эту минуту оказаться там, хоронить не придется — сама великая река побеспокоится об этом.

Жутко глядеть на мертвое лицо мальчишки-лейтенанта — снежно-белое, застывшее льдом: помутневшие глаза полуоткрыты, на ресницах изморозь, черные кудрявые волосы смерзлись в окровавленный колтун.

Высокий, статный майор в пенсне — начальник похоронной команды полка — стоит у насыпи и отдает последние распоряжения подчиненным. Говорят, майор — кандидат каких-то наук. Призвали его или он добровольцем пошел на фронт? Ученому, наверное, не смогли подыскать на войне другой работы.

Скор зимний вечер: глядь, уже смеркается. И пошел снег, как бы саваном прощальным укрывая солдатскую могилу. Оттремел салют. Через свежий холмик перекатывается поземка, заматывая вокруг следы всех мертвых, живых и пока еще живых людей, только что бывших здесь...

Дивизию перебросили из Погорелого Городища под Ржев в спешном порядке в конце января 1942 года. Первоначально ей ставилась задача пробить брешь в обороне гитлеровцев и прийти на выручку частям,

попавшим в окружение. Полки вступали в бой с ходу, но драка там затянулась, бои приняли позиционный характер и шли еще в феврале и марте. Занятые немцами населенные пункты в полосе действий дивизии располагались на высотах на западном берегу Волги, оттуда, с высот, с деревенских церквей, противник просматривал наши позиции, нашу оборону почти на всю ее глубину.

Там погибли многие. В том числе командир полка и командир дивизии.

А начальника похоронной команды вскоре отзовут с фронта — видать, и впрямь нужный был человек для науки.

Ножикино, Кокошкино, Клепенино, Крутики немцы держали крепко. Ржевская группировка противника оказалась очень мощной, и нашим не хватало сил на этом участке фронта. Атака за атакой, проводившиеся днем и ночью, приносили удручающие потери, не давая результата, которого, надо полагать, где-то в больших штабах ждали от подчиненных полковника Ягодкина. Повинуясь приказам, солдаты снова и снова пытались теснить врага, и народу в строю оставалось все меньше.

Восемнадцатого февраля 1942 года Ваганов привез на командный пункт почту. Он был доволен, почти счастлив тем, что благополучно перешел Волгу: по льду беспрестанно била артиллерия и лошадь пришлось оставить на том берегу. Ваганов доложил на КП командиру полка, разнес почту по обороне, по ротам и вернулся в командирскую землянку. Было тихо, никакая опасность, кажется, не грозила здесь, и комполка капитан Кашин, выслушав доклад Ваганова, распорядился:

— Отдыхай. Отдохнешь, пойдешь обратно.

Часов в пять Виктор проснулся от шума и ругани снаружи землянки. Потрясенный Кашин выскочил на улицу и тотчас вернулся:

— Ты, Ваганов, давай мотай отсюда, занимайся своим делом, тут сейчас без тебя как-нибудь!..

На улице — темень. Медленно кружась, как бы нехотя сыплются с неба крупные хлопья снега. Виктор, еще не успев оглядеться, по голосу узнал командира

дивизии: Ягодкин кричал, направо и налево матерился. Над передовой вспыхивали свои и чужие ракеты, в неровном свете их маячили группы людей в маскахлатах.

Ваганов не мог знать, что комдив, неожиданно появившийся в расположении, приказал срочно, вот сейчас, пока еще ночь темна, собрать все, чем располагает полк на переднем крае, и атаковать Кокошкино. Да, Ваганов не знал ничего в точности, но правильно понимал: сейчас начнется заваруха и комполка не просто отсылает с передовой фронтового почтальона, а дает лично ему, рядовому Ваганову, шанс какое-то, ближайшее по крайней мере, время остаться живым.

Высокий волжский берег укатан, крутой ледяной горкой обрушивается к реке; Ваганов плюхнулся, как суворовский солдат в Альпах, на заднее место, скатился вниз — только ветерок в ушах свистнул и лицо опалило ночным февральским воздухом.

Повозка с ездовым, целы-невредимы, ждали в леске, вернее в том, что осталось от прибрежного ельника, почти полностью выбритого войной до самых пеньков. Сейчас этот бывший лесок снаряды не беспокоили, и надо было только благополучно преодолеть Волгу. Переправа там и сям разбита артиллерией, вода сверху, выброшенная взрывами из прорех во льду, разливается, не успев замерзнуть, маскирует полыньи. И еще надобно, чтоб шальной снаряд или мина какая не накрыли сдуру.

Ваганов успел добраться до повозки, и тут передовая ожила: наши пошли в бой. Забились в судороге вражьи пулеметы; иней оплавился, закипел и высох на мигом разогревшихся стволах, вспарывающих ночь короткими и длинными очередями. Открыли огонь по наступающим минометчики — что им ночь: ракет повнавешали, все видно!

Минут через сорок — Ваганов еще в повозке сидел, ждал, когда чуть высветлит, — послышался в темноте неясный шум. Шум приблизился, и стал отчетлив скрип санных полозьев, различимо тяжелое дыхание людей. Вот уже и разглядеть можно: солдаты, санитары кого-то везут на санках.

Это был Ягодкин.

Командир дивизии сам повел уральцев в атаку.

Убило его сразу — смерть комдиву выпала легкая. Командиру полка повезло — капитана только ранило в руку.

Теперь тело Ягодкина, не до конца еще остывшее, лежало на саях. Беспомощное, спокойное, ни о чем не беспокоящееся, навсегда уже равнодушное к себе, к судьбе своей и никак уже не могущее повлиять на судьбу многотерпеливого села Кокошкино.

Кстати оказался Ваганов: полковника надо было доставить в Бахмутово, в штаб дивизии — километров за пять от места, где он погиб. В Бахмутово комдиву готовят другую повозку, которая повезет Ягодкина дальше, на Итомлю, — на почтовой туда не проедешь: мало годится она для глубоких снегов, а снега подо Ржевом зимой сорок второго случились выдающиеся...

Экспедитор полка. Звучит солидно и как-то не по-фронтовому. Но мотаться туда-сюда по передовой, зачастую на виду у врага, через простреливаемые участки, как правило в одиночку, — штука веселенькая...

Уральцы стояли под Воскресенском. Неточное слово — стояли, есть в нем какая-то не подходящая к войне умиротворенность, спокойствие есть, которого фронт не знал даже и в промежутках между сражениями. Непрерывно там и сям вспыхивали «бои местного значения», и в редкие дни затишья смерть караулила, подстерегала любого и каждого всякое мгновение в самом неожиданном месте.

Чистым белым днем экспедитор выехал из Воскресенского в широкое поле, держа путь через Ерофеево на передовую. Серая в яблоках верховая шла резво. Только легкое шуршание снега под ногами лошади и поскрипывание седла под возницей тревожили тишину.

Где-то у Бахмутово внезапно из-за леса вынырнул мессершмитт. Ваганов увидел самолет и услышал шум его мотора одновременно. Мессер летел низко, ме-

трах в пятидесяти над снежной равниной, прямо на Ваганова. Виктор пришпорил лошадь... Хороша во всех отношениях серая в яблоках, вот и на снегу не так выпирает, как, допустим, вороная или каряя, но одна беда с ней — упряма лошадка и через то непредсказуема. Ваганов ей — шпоры, а она — ни с места! Остановилась как вкопанная, и все тут...

Затрещал пулемет.

Виктор упал в сугроб.

Мессер отлетел. Солдат осторожно поднял голову: лошадь стоит как ни в чем не бывало. Но фашист развернулся — снова стучит пулемет, противно визжат пули, шустрые фонтанчики испаривают снег. Ваганов не шевелился, и *Flieger**, наверное, решил, что попал. Он еще прожег снег последней очередью, и стало тихо, лишь в небе зудел гул удаляющегося самолета.

Поднявший голову боец лошади рядом не обнаружил. Зад ее с победно вздернутым хвостом подпрыгивал вдалеке — серая в яблоках неслась в сторону Ерофеево, вернее, того, что осталось от деревни.

Пуля рикошетом на излете царапнула ей по ноге, и лошадь сорвалась с места, дернула от хозяина с такой прытью, что ни криком, ни свистом было ее не достать. Флигер не погнался следом — черт с ней, с лошадьёю, она его интересовала меньше, и фашист улетел, довольный тем, что убил человека.

Лошадке, однако, оставалось жить недолго. Земля ржевская запомнилась фронтовику не только небывалой тяжестью боев, но и великими снегами, нарушившими снабжение армии. Говорили, что тылы ломаются от припасов, а на передовой ничего не хватало, особенно в частях, дислоцированных вдали от дорог. Не смогла сильно помочь и авиация: нашим дугласам мешали прорваться к фронту господствовавшие в воздухе мессеры.

К середине марта дневной паек бойца состоял из двух сухарей. Полуголодные солдаты рыли снег, ковыряли мерзлую землю на крестьянских огородах в поисках необранной осенью картошки. Если

* *Флигер (Flieger)* — летчик, пилот (нем.).

где-то находили спрятанное колхозниками зерно, подолгу его варили, ели, а потом мучались животами.

Не было сена, в дело шли соломенные крыши уцелевших построек. Кони падали от бескормицы. Их, чтоб не валились с ног, подвешивали в сараях на перекладинах связанными солдатскими обмотками, веревками, вожжами. Безнадежных стреляли и ели.

И экспедитор полка остался без коня.

От Вознесенского до Итомли, где стояла дивизионная почта, около десяти километров. На пути — ни одной целой деревни, все разбиты, сожжены врагом. Ежедневно приходилось шагать пешком более двадцати километров.

С весенней распутицей дороги развезло. Солдаты по-прежнему получали по два сухаря в день. Понимали: дело — временное, но пониманием сыт не будешь, тяжело было, не передать, как тяжело.

В дивизию пришли посылки — подарки фронтовикам. На этот раз — с Урала. От шефов — земляков со станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе в Челябинске. Угодили земляки, спасибо им: как раз по сезону заботу проявили. Посылки из Казахстана, из Узбекистана — обычно продуктовые, с фруктами. Из Сибири, с Урала в основном одежда: перчатки, носки, теплые вещи (возами дивизия, кстати сказать, подарки получала. И народ-то в тылу небогатый, а для фронта последнего не жалел).

Рядовой Ваганов малость уже обыгал* от контузии, научился заново, почитай, разговаривать. Почетна и приятна миссия: коняшку запречь, добраться в тыл дивизии, получить в интендантстве чего сколько полагается, доставить в расположение.

В штабе полка дары бесценные распределяют по батальонам, дивизионам и прочим всем имеющимся в полку подразделениям. Конечно, фронт: вот она, рядом, передовая, а упряжка для неприятеля — приманчивая цель. По ней с большим азартом пуляют из пушки и миномета, не говоря о всякой стрелковой «мелочи»: пулеметах, автоматах, винтовках снайперских. В упряжку попасть легче, чем

в верхового, — вольнее, шибче движется почтальон верхами, маневр у него половчей выходит. Но и тут, при всем бесценном мастерстве и опыте, надобно еще, чтоб немножко повезло солдату.

Под Воскресенском одиночный истребитель среди бела дня выследил сани с почтой и посылками. Налетел, дал очередь. Всего одну очередь. Лошадь убил сразу и ездового. Ваганов остался цел, только разорвало, разрезола пулей полу шинели.

Под Бахмутово попал Виктор под минометный обстрел вместе с начальником военторга. Старшина вез на передний край папиросы для офицеров, пудру, одеколон для женщин, мыло — для всех. Участок, через который предстояло прорываться на передний край, насквозь просматривался со стороны немцев и легко простреливался. Ваганов пытался отказать начальнику военторга, отговорить его, но старшина настоял.

Едва почтальон, разогнав лошадь, вылетел на чистое место, немецкие минометы начали бросать мины. Лошадь убило, убило старшину, так и не ставшего лейтенантом.

На смену погибшему пришел вскоре другой, а комиссар полка запретил впредь развозить почту в светлое время суток, и экспедитор с той поры работал по преимуществу ночью.

Первую медаль «За отвагу» Виктор Андреевич получил под Ржевом, будучи полковым почтальоном.

В августе 1942 года дивизия перебрасывается под Зубцов. Бои под Зубцовом продолжаются до третьего марта 1943 года, когда был освобожден Ржев.

Ваганов уже воюет в 930-м артиллерийском полку замковым семидесятишестимиллиметрового орудия и награжден второй медалью «За отвагу».

Февраль 1943 года. В батарее кончалось продовольствие, надо было съездить за ним в полковое интендантство в деревню Бердниково. Задачу возложили на Виктора Ваганова.

Дождавшись темноты, он взял с собой бойца, запряг лошадь и поехал. На вид

* *Обыгать, обыгаться* — выздороветь, оправиться от чего-либо (диал. — Даль, СРНГ).

справная, весьма упитанная лошадь оказалась, однако, то ли не совсем здоровой, то ли на редкость ленивой. Она едва двигала копытами, не обращая внимания на грозные понукания. Заметно крепчал мороз, и от этого становилось все более неудобно. Кое-как добравшись до окраины Бердниково, Ваганов, уже не имея сил терпеть лошадиное безобразие дальше, прыгнул с саней, чтобы подыскать хорошую хворостину, которая могла бы заставить ленивое животное шевелиться веселее. Почти на ощупь, вытягивая во тьму руки для подстраховки, двинулся к смутно угадываемому в ночи придорожному дереву. Но цели не достиг — внезапно земля под ногами разверзлась, и Виктор полетел вниз. Успел подумать: «Наверно, угодил в окоп». И тут же ухнул в воду — вместе с шапкой летевшего следом снега. Воды было немного, в аккурат по пояс, тьма — глаз коли — непроглядная, лишь сверху отчетливо прорисовался квадратик звездного неба. Осторожно повел вокруг руками — ладони уперлись в осклизлый

бревенчатый сруб. «Колодец», — догадался Ваганов.

Ни тогда, ни спустя многие десятилетия после Виктор не мог объяснить, что такое с ним случилось — он вдруг запел во весь голос: «Выходи-ила на берег Катю-юша-а-а!» Потом закричал. Никто не отозвался. Опять — крик. И снова — никого...

Представить происходящее было нетрудно. Напарник, видать, вздремнул. Сколько пройдет неторопливая лошадь, прежде чем решит остановиться?

Слава богу, боец все-таки учуял сквозь сон неладное, спохватился, пошел искать пропавшего. Поблизости, на беду, ни одного целого дома, только обгорелые изгороди да печные трубы за ними. Пришлось бежать за подмогой на другой конец деревни.

Появились люди, сбросили Ваганову конец веревки, вытащили старшего сержанта на свет белый.

Впрочем, до белого света, до утра было еще далеко.

ПОД ЛЕНИНО

Западный фронт. Начало октября 1943 года. На холмистом восточном берегу Сожа держат оборону наши войска. Противоположный берег — под немцами.

930-й артиллерийский полк оборудует новые позиции километрах в тридцати от пока неизвестного села Ленино.

Ваганов снова служит в разведке. Но не в конной разведке стрелкового полка — теперь он разведчик артиллерийский.

По прибытии, ночью, разведчики оборудовали НП. За малостью времени не успели как следует сойтись, но хорошо понимали друг друга. Трудились со всей осторожностью, на которую способны опытные солдаты, знающие, почему на войне фунт лиха.

На склоне холма, обращенном в сторону немцев, наскоро вырыли небольшой — глубиной метра полтора и ширина такая же — окоп. Темнота не помешала, а может, даже помогла: ничто не потревожило разведчиков, окоп вышел аккуратный, кругло-замкнутый, по-своему даже краси-

вый. Худо-бедно НП вместил начальника артиллерийской разведки полка капитана Астахова, двух наблюдателей, в том числе Ваганова, ставшего через два фронтных года старшим сержантом, и радиста, пожилого усатого белоруса, имени-фамилии которого новичок Ваганов еще не успел узнать.

Установили рацию, приспособили стереотрубу, замаскировались.

С рассветом наблюдателям открылись внизу густо заросшее неполотой травой, неубранное поле подсолнечника, извилистая, синеющая в рыжине октября лента Сожа и за ней — передовая противника. Почти до полудня над линией фронта сохранялось относительное затишье — прозрачную умиротворенность осени изредка нарушали выстрелы и одиночные уханья артиллерии.

Вдруг Астахов, выглянув из окопа, удивленно хмыкнул: прямо на НП пружинистой походкой во весь рост шагал командир полка майор Одегов. Никогда

не кланявшийся ни пулям, ни осколкам, не имеющий привычки вообще чему-нибудь и кому-нибудь кланяться, Одегов и сейчас шел не таясь, чуть подавшись телом вперед, в красненькой своей, издалека хорошо видной кубанке. Разведчики обескураженно переглянулись: как пить дать, командир демаскирует наблюдательный пункт, черт его знает и побери, пьяный он, что ли! Да нет вроде, нет, трезвый — вот уж он рядом совсем, вот уж и в окопчик прыгнул, приник к стереотрубе.

Едва Одегов припал к окулярам, с той стороны, куда целились линзы прибора, послышались беглые артиллерийские выстрелы, и с дюжину снарядов врезали по земле в опасной близости от наблюдательного пункта. Огонь велся прицельно, снаряды рвались в метре от окопа, автоматы на бруствере разбило, разнесло в брызги все приборы, и сам бруствер снесло, как лезвием сбрило, осколками. Слава богу, ни один снаряд не угодил прямо в окоп, иначе всё — полетели бы от разведчиков вместе с их замечательным командиром полка клочки по подсолнушкам!

Не было времени ни думать, ни спрашивать, что заставило офицера рисковать, гуляя среди бела дня на виду у противника. Чуть огонь притих — немцы, надо полагать, заряжали свои пушки — разведчики сыпанули из укрытия. Как раз успели добежать и скрыться за высоткой: гитлеровцы вдогонку послали несколько гостинцев, но опоздали. Едва отдышались в деревне, где стоял штаб полка, — обсудить происшедшее времени не хватило, минут тридцать прошло, не больше, — Ваганова окликнул незнакомый солдат:

— Иди, тебя Одегов вызывает!

— Товарищ командир, по вашему вызову явился, — вытанулся Ваганов перед Одеговым. Василий Иванович едва заметно улыбнулся:

— Ты, кажется, художник?

— Да, ну так, рисую.

— Я слышал. Читал в газете...

Одегов пристально посмотрел на старшего сержанта внимательными черными глазами:

— Ну вот что, иди к зам по тылу Колесникову, возьми у него материала белого, краски и все что надо. Нарисуй

мне... Видишь, вот, у моей кровати нет ничего, стена пустая. Нарисуй мне бабу, чтоб голая была, вроде Венеры. И с этого дня будешь моим адъютантом. Мы с тобой сегодня прошли испытание. Посмотрим дальше, два-три месяца послужишь. Сейчас ты старший сержант, представлю к лейтенанту, будешь офицером.

Ваганов исполнил. Повесил «Венеру» на стенку. А ночью приказ: срочно выступать на Ленино. Дальнейшая судьба «произведения» осталась художнику неизвестной.

930-й артиллерийский полк, в котором Ваганов неожиданно стал адъютантом командира, из района Горки выдвинулся к Ленино для поддержки 1-й пехотной польской дивизии имени Тадеуша Костюшко под командованием полковника Берлинга. Дивизия готовилась вступить в сражение в полосе корпуса генерала Терентьева, положив начало боевому пути Войска польского.

К неизвестной деревне, состоявшей из развалин и двух непорученных домов, артиллеристы подошли на рассвете. Возле чудом сохранившихся строений обнаружены полянок: жолнежи в приметливых, необычных, на взгляд наших бойцов, зеленых конфедератках и шинелях цвета хаки стоя творили молебен. Рядом с ними был ксендз.

Невидимое отсюда, где-то за холмом, находилось Ленино: его предстояло брать полякам.

Это утро и этот день сложились для полка удачно. Советская авиация мешала врагу нанести удар: то ненадолго стихая, то вспыхивая с новой силой, шли воздушные бои. Солдаты определяли самолеты по «голосам»: если гудит мощно — значит, наш, если тихо — немец. Время от времени на землю обрушивались горящие машины — за шлейфом черного дыма не всегда удавалось разглядеть, где чья. Их узнавали, если еще живые пилоты выбрасывались с парашютом, по цвету купола — против белого русского у немцев он был розовый.

Полякам повезло меньше: тылы их дивизии в деревне Овсянниково, которую одеговцы прошли накануне походным

маршем, вечером накрыли более полусотни самолетов люфтваффе. Овсянниково раздолбали до основания, сожгли там все, что могло гореть. О потерях в соединениях 3. Берлинга русские солдаты не знали.

В течение суток полк оборудует позиции. По-за деревней, на гриве у гребня холма, недалеко от которого пролегает дорога в сторону Ленино, расположился командный пункт. Кто-то здесь уже останавливался, какие-то наступавшие войска: артиллеристы нашли открытые огневые и прилично оборудованный НП. Осталось протянуть связь, установить рацию, обжить на месте.

Дислокация артбатареи и дивизионов не просматривалась из штаба, скрытая цепью холмов вдоль реки, выше по течению которой бесстрашный или безрассудный Одегов несколько дней назад спровоцировал огонь немецких пушек по наблюдательному пункту разведчиков.

По дороге на Ленино к передовой подтягиваются советские танки: когда машина показывается на высоте, немцы бьют по ней болванками. Болванки, ударяясь о землю, с устрашающим свистом пролетают над одеговским КП.

Утро двенадцатого октября 1943 года выдается туманным, и артподготовка откладывается. Но вот туман рассеялся, и сразу дружно вступает наша артиллерия: залпы орудий сливаются в сплошной гул. Передний край гитлеровцев тонет в разрывах. Кажется, вся их оборона взлетает в воздух. Одегов наблюдает в стереотрубу, корректирует огонь дивизионов.

Наконец, жолнежи пошли. Поле, по которому атакуют поляки, лежит перед командным пунктом как на ладони, и отсюда отчетливо видны цепи наступающих. Фронт прорыва составляет километра полтора.

Поляки идут хорошо. Живые, устремленные к цели, фигурки пехотинцев подрагивают в бинокле. Атакующие несут большие потери, но немцев из первой траншеи выбили. Вдруг над полем боя появляются «Хейнкели-111». Стоя у входа в блиндаж, Виктор считает самолеты: десять... двадцать... Они сыплют на цепи жолнежей воюющие бомбы. Больно видеть, как солдаты умирают под взрывами. Тем

не менее они вклиниваются в оборону немцев, отчаянно и безуспешно пытающихся контратаковать, и обходят Ленино справа. Однако продвинуться дальше не получается — атака захлебнулась.

С оглушительным грохотом вблизи командного пункта полка рванула бомба. Воздушной волной Ваганов швырнуло в блиндаж. Кашляя от пыли и удушающего дыма, Виктор видит: весь серый от присыпанной его земли, отплевываясь и матерясь, сидит на полу командир. Накаты бревен сорвало с блиндажа и поставило ребром. Возьми бомба чуть точнее, она могла бы стать последней для всех находившихся в блиндаже.

Оглушенные, люди один по одному поднимались, отряхивались, молча дивясь, что и на этот раз остались живы.

Не успели прийти в себя, как новая волна самолетов — на этот раз «Юнкерсы-87» — заходит на бомбежку. Одегов распорядился:

— Смотри, куда они пикируют.

Ваганов встал у входа и докладывал, сиюсь перекричать вой падающих бомб и гром разрывов:

— Этот не наш... не наш...

Самолеты, бросающие смерть прямо над головой, нестрашны, опасность представляют те, что атакуют перед расположением, на подлете. Но свист и грохот в любом случае производят страшный. Ординарец Кононов, сидевший в траншее, не выдержал — у пожилого уже, опытного солдата сдали нервы. Кононов упал на колени, забился в истерике, закричал благим матом, то призывая в спасители родную маму, то моля Бога о защите.

— Да туды твою мать, уймите его, какого он!.. — крикнул Одегов. Ваганов подскочил к ординарцу, ударил сапогом по боку — один и второй раз. Кононов как будто очнулся: замолчал, стыдливо озирнулся вокруг, но никто не хотел его упрекнуть даже взглядом — все всё принимали.

К исходу второго дня боев, часам к четырем пополудни, в полосе фронта, где стоял 930-й артполк, все стихло. Противники выдохлись и какое-то время уже не могли драться. Вершина сопки с расположенными на ней КП, окопами

и траншеями, была основательно перепажана авиацией. На полях окрест сопки неубранный хлеб выкошен под корень — от нивы осталась обгоревшая стерня на изрытой, исковерканной земле.

Как потом разъяснил всезнающий солдатский телефон, немцы разведали о готовящемся наступлении поляков и заранее подготовились к нему, сосредоточив в обороне несколько дивизий. Не пробившись в Ленино, поляки, однако, повоевали славно и даже взяли десятков семь пленных. Ближе к вечеру они вели колонну вражьих солдат мимо НП полка в тыл. Одегов, заметив в голове колонны

двух совершенно голых людей, послал Ваганова («Узнай, адъютант, что это за маскарад такой?») разобратся и «пресечь это безобразие». Октябрьский день был на исходе, уже похолодало, и кто-то из солдат поверх гимнастерки облачался в шинель или ватник, а тут люди — в чем мать родила!

Ваганов, передавший полякам требование командира, не знает, было ли оно исполнено.

— Пся крев! — по-польски выругался один из конвоиров, указав на голых, и объяснил по-русски, что это поляки и что они воевали на стороне фашистов.

ПОД ОРШЕЙ

Снаряд был не осколочный, осколочный бы не пробил. Фугас ударил в центр блиндажа, срикошетил и разорвался в углу, как раз там, где стояла плита из кирпичей и повар Юлдашев собирался готовить завтрак для командира.

Новый блиндаж прошедшей ночью полковые саперы спешно соорудили специально для повара и адъютанта. Возможно, темнота и густой ноябрьский туман помешали правильно определить место для укрытия: оно оказалось на самой вершине сопки. Поутру, едва протерев глаза, немцы обнаружили новую цель. Немчура, мигом зарядив пушки, бабахнула несколькими снарядами. Один угодил точно.

Ваганов, после длительного вчерашнего перехода мертвым сном спавший на земляной кровати в противоположном от плиты углу, взрыва не услышал, а проснулся от дикого крика Юлдашева. Сверху в потолке зияла дыра, часть блиндажа обвалилась, бревна наката стояли дыбом, дымилась заваленная землей печка с кастрюлями и сковородками. Повара рядом не было. Крик раздавался снаружи.

Ваганов выбрался на свет. Мертвецки бледный Юлдашев сидел на снегу, обхватив живот руками: солдата взрывом выбросило из блиндажа и ударило чем-то по животу. Он непрерывно стонал, иногда страшно вскрикивая. И все-таки им повезло обоим — остались жить и воевать дальше.

То, что командиру полка в это утро пришлось завтракать консервами и американскими галетами, и у самого Одегова не вызвало большого расстройств. Его блиндаж, расположенный чуть ниже по склону, не пострадал от артналета. Но Ваганов с Юлдашевым некоторое время косились на саперов, справедливо полагая, что они сделали свое дело не слишком аккуратно, подставили однополчан, и звергли их излишнему риску, которого и без того хватает на войне.

Вообще этой осенью Ваганову немислимо везло. Несколько бомб и снарядов он мог вполне считать «своими», то есть последними в своей жизни. Но бог милловал, солдат и раз, и другой выходил из огня невредимым, и только роковым образом преследовали неудачи и настигала смерть вагановских лошадей. Командир, у которого долго держалась белая тройка, пенял адъютанту:

— Ну, сколько же можно, опять ты безлошадный!

Незадолго до первого снега, до попадания снаряда в новый блиндаж и ранения повара Юлдашева Виктор снова лишился лошади. Ей в глаз попал осколок. Ваганов ехал в тыл с каким-то поручением командира. С бездорожья выбрался на шоссе Москва — Минск, подгоняя верховую: шел дождик и долгая дорога не вызывала энтузиазма. Он почти проехал мимо позиций корпусной артиллерии, стоявшей

недалеко от шоссе. Вдруг тяжелые пятидесятидвух- и двухсоттрехмиллиметровые пушки начали стрелять по немцам. Огонь велся всего минуты две-три, и как только наши кончили, враг ударил ответно. Снаряды рвались недалеко от шоссе, однако Ваганов не стал останавливаться, не стал слезать с седла. Лошадь, пугаемая взрывами, забеспокоилась, закрутилась под седоком, а когда ей в глаз прилетел малюсенький осколочек, встала на дыбы и Виктор слетел наземь. Обстрел вскоре прекратился, кто-то из подвернувшихся своих — одному было сложно справиться с раненой — помог Ваганову отвести лошадь назад: он не успел далеко отъехать от НП полка.

— Туды-т твою мать, и тэ, тэ!.. — изумился Одегов, когда адъютант доложил о случившемся. Ваганов выслушал цветастую речь командира, сказал что-то вроде — мол, что же делать-то, и пошел выполнять приказание пешком...

Артиллеристы опять снялись с позиций, двинулись вперед. И опять солдаты недоумевали: что за нужда заставила командование гнать целый артполк днем, когда, все знали, непрерывно ищет добычи авиация противника. К тому же перемещаться пришлось по пересеченке обочь дороги — огромные воронки в неисчислимом количестве делали шоссе для всех видов транспорта непроезжим.

Черную-пречерную лошадь в поле Одегов и Ваганов, схавшие вместе, заметили одновременно.

— Вон твоя лошадь, — улыбнулся командир. — Скажи, чтоб ее поймали!

Проворный солдатик изловчился, привел откормленную кобылицу. Судя по лощеному виду, воронья принадлежала солидному немецкому начальнику. Хозяин, надо полагать, удрал от стремительно наступающих наших войск. Мигом нашлось седло, довольный Ваганов вновь оказался на коне.

Колонна — почти весь полк, втянулась в ложбину. Вот здесь ее и настигли немецкие пикировщики. Их было десятка два с лишним. Они зашли, как всегда, со стороны солнца и буквально засыпали ложбину бомбами. Ваганов спешил. Укрытый кругом — никаких, только в

небольшом земляном обрыве нарыты норы. Господь знает, кому изначально принадлежала эта первобытная «архитектура», наши или немцы наковыряли эти пещерки, но только пришлось они к месту, пригодились. Ваганов ящеркой влез в ближайшую. Она оказалась со странным, довольно крутым наклоном, Виктор не смог удержаться в ней: начал сползать наружу. Грохотали взрывы, вся земля — там и тут, сверху, снизу, со всех сторон качалась, дергалась, ходила ходуном. Отчаянным усилием удалось буквально ногтями зацепиться за скользкую глину. Виктор замер, лишь по пояс укрытый в норе. Ладно, подумал он, в зад ударит осколками, это не самое страшное. Обидно было бы вновь остаться без лошади — он не мог взять с собой вороную, она осталась ничем не прикрытая, большая и беззащитная.

Бомбежка кончилась. Странно, вероятно — нашим некуда было деться, весь артполк был на виду у немецких летчиков! — но они не нанесли большого урона. Если не считать буквально единиц раненых и убитых, нескольких перевернутых взрывной волной орудий, люфтваффе тут не было повода шибко гордиться своей работой. В полку не убило — даже — ни одной лошади! Раненой оказалась только одна... вагановская воронья. Ей оторвало заднюю ногу.

— Застрелить надо, — сочувственно сказал Одегов. — И... Опять ты... Ладно, садись со мной в тарантас...

Дальше до конца марша обошлось без ЧП, очередной авианалет полк пережил уже на новых позициях. Артиллеристы заняли, видимо, армейский немецкий пункт, потому что блиндаж был совершенно шикарным. Рядом тянулась железная дорога, на расстоянии примерно метров трехсот от нее шоссе Москва — Минск. НП находился в промежутке между железкой и шоссе. Несколько рядов рельс прикрывали блиндаж сверху, на них уложены слоями толстые бревна, все это, разумеется, засыпано, замаскировано землей, а внутри еще стоял сруб — тоже из бревен. Чутье опытного солдата подсказывало, что здесь полк надолго не задержится, и Ваганов уже заранее грустил, что скоро придется

расставаться с уютным местом, покидать это великолепное жилье.

К Одегову, в хоромы его, съехались Бородин и Хмелев — командиры стрелковых полков. Они полюбовались траншеями, оборудованными вокруг блиндажа, поцокали языками: ишь ты, мол, немец мастеровой какой, честь по чести инженерия его отработала, надо отдать должное супостату. И разложили в блиндаже полевые карты — уточнить задачи и взаимодействие на предстоящий бой.

— Ну-ка выйди, посмотри, — кивнул Одегов Ваганову на дверь: в глубину блиндажа слабенько пробился гул самолетов и глухой звук дальних разрывов.

Около шестидесяти бомбардировщиков шли над шоссе и железной дорогой, волна за волной сбрасывая на полосу земли между ними порции бомб. В этой полосе земли километра на два растянулась советская артиллерия: сплошь друг

за другом стояли корпусная и армейская вперемешку с частями обеспечения.

Когда бомбы стали рваться в нескольких десятках метров, Ваганов юркнул в блиндаж. Бомба, казалось, летела следом. Она попала с угла, где сидели командиры. Она, наверное, была маленькая, эта бомба, рельсы и накаты бревен оказались ей не под силу. Сто- или тем более двухсоткилограммовая, пожалуй, могли бы пробить крышу, а этой нет, не удалось. Только пыль поднялась от взрыва, припудрила всех, только у кого-то брызнула кровь из носа и ушей, да кого-то из оглохших и ослепших обитателей блиндажа еще изрядно присыпало землей.

Ствол могучего дерева, подпиравший крышу в углу блиндажа, где прогремел взрыв, не позволил крыше рухнуть, но оголился — ударной волной с него содрало кору. А люди откашлялись, отрянулись, очухались, и каждый продолжил по войне путь, который был ему уготован.

«ПЯТЬ СУТОК АРЕСТА!»

Стать офицером старшему сержанту Ваганову не пришлось. Хотя проблемы тут большой не существовало: командир дивизии имел право присваивать звание младшего лейтенанта своим приказом. Всего-то и надо, чтобы Виктор оправдал надежды командира полка, да чтобы оба пару-тройку месяцев оставались живы.

С октября и до конца 1943 года Ваганов проходил у Одегова в адъютантах, время от времени вызывая у шефа великое неудовольствие. Вышло, что в дивизии Виктор Андреевич оказался единственный художник. Старшие начальники постоянно дергали его: то оформить праздничный номер дивизионной газеты, то подготовить к важному какому-то случаю наглядную агитацию или оформить концертную программу для дивизионной агитбригады, то нарисовать огромные плакаты для отдела пропаганды среди войск противника, которые ночью наши саперы устанавливали перед позициями гитлеровцев. Мало ли для чего нужен на фронте художник!

Василию Ивановичу это не нравилось.

Дивизия уже воевала на подступах к Витебску. Изрядно потрепанную в тяжелых наступательных боях, ее отвели на формирование под Красное. Василий Иванович однажды слегка расслабился и подшофе взялся за вагановское воспитание.

— Ну-ка, покажи мне свой пистолет! — потребовал он у адъютанта и, мельком глянув на оружие, строго спросил: — Почему не чищен?!

— Товарищ командир, а когда ж было чистить? — пытался оправдаться Ваганов. — Вот, домик надо было вам в лесу построить, саперов организовать...

— Ах ты, адъютант командира полка, с нечищеным оружием ходишь! — с неподдельным почти возмущением воскликнул офицер. — Пять суток ареста!

Ваганов, признаться, ждал чего-то такого. Он не выполнил «особо важное поручение» комполка и был уверен, что Одегов не оставит этого без последствий. Поручение состояло в том, что адъютант должен был привезти из

стоявшего под Красным армейского госпиталя молоденькую медичку, с которой Одегов рассчитывал встретить Новый год.

Провести «боевую операцию» надлежало при поддержке ездового Шердюкова. Вечеру вдвоем отправились в путь. В возке лежали щедрые новогодние подарки госпитальному начальству.

Ночь обогнала экипаж: к цели подъехали в темноте. Бдительный Ваганов ухитрился своевременно разглядеть у входа на территорию госпиталя группу вооруженных людей. Сомнений не было: это — заградотрядовцы. Они тщательно контролировали прифронтную полосу, особенно активизируясь по ночам, с удовольствием навещали госпитали, медсанбаты и близлежащие деревеньки.

Такая встреча не входила в планы Ваганова — он не знал пароля, к тому же в его красноармейской книжке было указано одно только воинское звание. Полк все время находился в боях, довести документ до ума не выпало времени, да бумажные формальности и не представлялись на передовой сильно важным делом. Но тут — ситуация конкретная: попади сейчас в руки к бдительным товарищам — начнутся разбирательства, которые неизвестно сколько продлятся и чем закончатся. У Ваганова уже был опыт: дважды он благополучно уходил от них, а один раз был задержан и просидел «до выяснения» бесконечную ночь в подвале, не выполнив командирского приказа. Тогда он шел с пакетом к представителю политотдела 31-й армии полковнику Мишеневу — и тоже не знал пароля.

Шердюков, молодец, почти одновременно с Вагановым увидел засаду, мигом сориентировался, лихо, можно сказать на каблуке, развернул возок и дал ходу. В спину кричали, требуя остановиться, но резвые командирские кони быстро умчали друзей от беды. Погони не было.

Сказать, что Одегов разгневался, значило бы не сказать ничего. Но, конечно,

комполка не мог наказать Ваганова за то, что он не привез новогоднюю гостью. Пистолет адъютанта пришлось как нельзя кстати.

«Губа» есть везде, с той лишь разницей, что фронтовая гауптвахта проста до безобразия: ровик небольшой, щель в земле одинокая. Днем арестант сидит в щели под доглядом вооруженного часового, а ночью спит в холодной землянке. В канун нового, 1944 года часа два на «губе» отдыхал Ваганов. Прервал отсидку лично командир полка. Он появился неожиданно, наклонился над ровиком:

— Ну, ладно, выходи, иди в редакцию, приходишь оттуда, отсидишь.

— Есть! — отвечивал арестованный, разминая затекшее тело.

Вообще-то Одегов, типичный сын своей эпохи, не был склонен к такому гуманизму. Когда ему позвонили из дивизионки с просьбой прислать в редакцию художника и, не получив положительного ответа, позвонили еще раз — уже от имени начальника политотдела, — комполка не шибко разбегался высвобождать подчиненного из неволи:

— Занят ваш Ваганов. На «губе» сидит!

Но после на связь с Одеговым вышел сам командир дивизии — тут уж Василий Иванович поторопился дать свободу злостному нарушителю дисциплины. Временно, разумеется, — пока Виктор Андреевич будет оформлять очередной номер «Сталинца».

Встреча Одегова со знакомой госпитальной санитарочкой не состоялась ни в этот Новый год и никогда после. Тридцатого декабря 1943 года 930-й артполк подняли по тревоге, и он пошагал к Витебску. Ваганов больше не увидел своего командира. Виктора до четырнадцатого января задержали в редакции — готовить к выпуску какую-то брошюру, а когда он вернулся, Одегова уже не было в живых. Майора убило в бою одиннадцатого января 1944 года, когда полк отбивал контратаку немцев под Высочанами. Похоронили Василия Ивановича Одегова в Лиозно.

В БЕЛОРУССИИ

Уже и знаменитая Березина, прочно связанная в сознании русских солдат еще с самим Наполеоном Бонапартом, осталась позади наступающих советских войск. Хваленая немецкая оборонная линия «Фатерланд» трещала по швам, и танковые соединения Ротмистрова преодолевали по тридцать — сорок километров в сутки, уверенно приближая немецкий капут на белорусской земле.

Поспевать за танкистами Обухова, корпус которого действовал на этом участке фронта, было трудно. Но усталость, валившая с ног после каждого перехода, все-таки отличалась от той усталости, которую испытывал Ваганов в начале войны.

В канун наступления его вызвали в политотдел дивизии. Когда, по окончании работы, отпустили в полк, наступление было в разгаре и однополчане воевали далеко впереди. У переправы через Березину Виктор встретил начальника дивизионного клуба капитана Филимонова с двумя его подчиненными: киномехаником старшим лейтенантом Семейным и старшиной Васильевым, чья повозка с киноаппаратурой тащилась где-то в обозе. Хорошо знавшие друг друга, знакомые еще с Урала, они обрадовались встрече. Чуть позже к ним присоединились шестеро бойцов, возвращающихся в свои подразделения из медсанбата. Оружия у бойцов не было, зато среди них оказался баянист Борис Иванов, правда, без инструмента.

День близился к вечеру. Он прошел на изнурительном марше, и, сокращая путь, капитан приказал свернуть с большака на проселок — к хутору, за которым виднелась деревня Алексино. Если не считать двух обгорелых труб, от хутора осталось одно название, не известное никому из группы Филимонова.

В Алексино можно было поужинать и отдохнуть. Однако на подходе к хутору они услышали стрельбу со стороны деревни. Не один-два-пять выстрелов, а густая, взхлеб, пальба разорвала душный от неостывшего июльского зноя воздух и заставила солдат остановиться в растерянности. Они еще не успели оценить

обстановку и принять какое-то решение, когда перед ними появились запыхавшиеся пацаны.

— Немцы!.. Штук тридцать!.. Там фашисты! — разом закричали они, пытаясь унять прерывистое, сбитое шибким бегом дыхание.

Было отчего задуматься. Немцы на подходе к Алексино наверняка увидели идущую туда же группу Филимонова. Она могла стать легкой добычей для них: на десять человек у Филимонова три автомата, одна винтовка да пистолет у самого капитана. Двигаться к деревне — полное безрассудство, а если немцы пойдут навстречу, то и держать оборону долго не придется: вокруг хутора ни окопа, ни овражка, ни кустика — голо вокруг, стрелять можно, как в тире.

И на войне, Ваганов хорошо это знает, случаются чудеса! Ну разве не чудом сохранился 930-й артиллерийский полк, когда во время дневного перехода из района Ельни к Починку едва не попал под авианалет армады «Хейнкелей-111»? Они появились из-за гряды сопок за рекой, шли на малой высоте. Казалось: ничто не мешает прицельно отбомбиться по колонне. Кругом — открытое пространство, лес не то чтобы далеко, но ни добежать, ни доехать не успеешь... Самолеты — вот они, рядом, уже заходят на цель.

На земле человек беспомощен перед такой угрозой: солдаты чувствовали себя обреченно, многие уже мысленно прощались с жизнью. Когда несколько машин вдруг задымили и с воем ударились оземь, завершив оглушительным взрывом последний боевой вылет, а остальные, заметавшись в беспорядке, начали резко набирать высоту, артиллеристы не сразу поняли, что произошло. Оказывается, по низколетящим бомберам из недалекого перелеска — в упор почти — ударили хорошо замаскированные зенитки! Комполка потом завернул к командиру зенитного дивизиона с сердечной благодарностью...

Вот и сейчас спасти могло только чудо. Алексино от разбитого хутора отделяли, если напрямую, несколько сотен метров. Немцы, возможно, рыскали по

лесу или отсиживались в нем, пока не оголодали — окруженные, в глубоком нашем тылу они иногда насакивали на деревни, чтобы разжиться едой, и, озверевшие от отчаяния, не щадили в безжалостной схватке даже самих себя. У них не спросишь, чего они хотят, но там, в Алексино, они сейчас стреляли по безоружным, беззащитным селянам, и до хутора им оставался короткий бросок по красивому, сплошь в цветущих ромашках, ровному-ровному полю...

С тыла, на проселке, по которому только что протопал капитан Филимонов со своими людьми, залязгали гусеницы и послышался гул мотора.

Командир танка, бравый лейтенант-грузин, склонился из люка подкатившей «тридцатьчетверки»:

— Зачѐм грустные, генацвале?..

Ему объяснили.

Мигом из машины достали автоматы танкистов, раздали безоружным филимоновцам.

— Танк толко из рѐмонта, боекомплѐкт полный. Пять чѐловек — на броню! — скомандовал лейтенант, ныряя под крышку люка...

Немцы, отстреливаясь, отходили к ближайшему лесу. Пушка «тридцатьчетверки» обожгла горячий летний воздух выстрелом, вторым, третьим. То коротко, то протяжно заговорил пулемет. С брони ему вторили автоматы. Немцы исчезли там, откуда пришли — скрылись за деревьями, растворились в лесу, и танкисты послали вдогонку несколько снарядов.

К хутору вернулись почти в темноте. Соорудили быстрый ужин: экипаж танка поделился пайком с боевыми побратимами — тылы ползли где-то зади, не поспевая за войсками, и тощие вещмешки Ваганова со товарищи беспрепятственно продувались легким ветерком.

В Алексино решили не ходить: на хуторе показалось безопасней.

Танкисты достали из «тридцатьчетверки» трофейный аккордеон: Борька Иванов (начальство потом определило его в агитбригаду) пришелся ко времени. Инструмент звучал выразительно, мощно, как будто чувствовал каждым клавишем состояние музыканта, еще не до конца

остывшего от горячки боя, от радости только что одержанной победы. Далеко-далеко слышалась музыка, и на зов ее, на свет костра, разожженного бойцами, подошли из Алексино несколько девушек, давным-давно не слышавших музыки иной, чем треск выстрелов и грохот взрывов. Ночь напролет не умолкал аккордеон и вокруг костра кружились пары.

Рано утром Т-34 ушел догонять свою часть. Немного погодя отправились в дорогу и люди капитана Филимонова. Когда проходили через деревню Алексино, жители сообщили, что на поле, перед лесом, валяется несколько убитых оккупантов.

У филимоновцев был легко ранен один боец.

И опять пропыленные гимнастерки насквозь промокли от солдатского пота. С утра солнце разогревает спину, накаляет сапожную кирзу, поджаривает воздух так, что он начинает как будто дымиться — колеблется, плывет впереди над дорогой знойное марево, и уже не верится, что совсем недавно была ночь и стояла прохлада.

Когда в полдень светило зависает над головой, от ночного привала не остается даже воспоминания. Ноги, словно заведенные жестким скрипучим заводом, движутся автоматически, спина сгибается под тяжестью солдатской ноши, а голова не думает ни о чем, ибо единственное, о чем она может думать: сколько уже пройдено и сколько еще надо пройти сегодня, а думать об этом тяжело и бесполезно. И совсем непонятно, какие еще силы держат солдатское тело перпендикулярно земле и даже позволяют ему преодолевать лежащее впереди немереное, бесконечное пространство, когда устает даже само солнце, которое все медленнее катится к горизонту, туда, на запад, куда все идет и идет солдат. И даже оно, усталое родное солнце, ничем не может помочь идущему, а, наоборот, — бьет, ослепляя, прямо в глаза и все поддает, поддает жару напоследок.

Какая там дорога неостановимо тянется вдаль: ухабы да колдобины — все разбито танками так, что черт ногу сломит! По обочине надо двигаться, по обочине, да и здесь не тротуар: ноги по щиколотку тонут

в песке. Зато иногда падает на солдата тень от могучего дерева, будто в дозор выступившего из соснового бора, что не один час уже тянется по обим сторонам дороги...

Тихо могло бы быть кругом, да гудят в небе самолеты — наши, слава богу, самолеты, и доносятся эхом с линии фронта отдаленные раскаты боя.

Кто-то увидел первым, но и остальные все в маленьком отряде тотчас разглядели за поворотом, еще неблизким, за желтыми стволами сосен: навстречу двигалась большая колонна. Вот голова ее уже показалась из-за деревьев... Немцы! Сколько их: рота, нет, похоже, больше!.. Они приближаются, уже можно различить: идут колонной по четыре, почти во всю ширину дороги; давно, видимо, идут — форма замаскирована пылью, клубами поднимающейся над дорогой. Впереди несколько офицеров без мундиров, в когда-то белых нательных рубашках... Дородные ребята, упитанные; подтяжки с плеч сброшены — болтаются с двух сторон у бедер. Оружия вроде не видно, но это — в самых первых шеренгах, а что там, внутри строя? Что на уме у этих вояк, хитрость какая, провокация, может быть? Вон их сколько: человек триста, как минимум... Если пленные — почему нет конвоя? На что способны солдаты фюрера, особенно эсэсовцы, когда попадают в окружение и пытаются прорваться к своим, уже хорошо известно: бой с окруженцами всегда неожидан, скоротечен и жесток. Жизнь солдата, вообще не слишком дорогая на войне, в таком бою совсем ничего не стоит...

Наши еще некоторое время двигались вперед, произвольно замедляя шаг, и встречным курсом топала в молчании колонна немцев. Они были совсем близко, когда капитан и солдаты замерли у обочины дороги, напряженно глядя на врагов. Стало видно: идут поверженные, уже смирившиеся со своим положением и почти равнодушные к своему будущему люди.

Колонна остановилась. От нее отделился офицер и, обращаясь к Филимонову на ломаном русском, протянул капитану смятую бумажку. Капитан прочел: на бумажке указан маршрут следования немецкого батальона в плен...

Сами ли немцы сложили оружие, не желая умирать за Гитлера, или их заставила это сделать Красная армия, ни Ваганов, ни его однополчане никогда не узнают, но сейчас это было не важно. Сейчас важно, что немцы после объяснений их офицера с капитаном Филимоновым двинулись на восток, а русские продолжили идти на запад.

За Березиной, у деревни Макарово, вокруг которой в оккупацию партизаны оборудовали шикарные позиции — с окопами, ходами сообщения, — заночевали. Всю ночь из ржи — вплотную к деревне подступали сплошные ржаные поля — стреляли. Утром приходят два пацана:

— Там у мамы чужие дяди еду просят.

Оказалось — власовцы. Один из местных, другой пришлый. Филимонов стал разбираться. Селяне говорят: местный сильно лютовал, пока Красная армия не пришла. Что было делать с пленными? Суд далеко, комендатуры никакой, надо дальше идти. Капитан приказал: расстрелять. Вывели за околицу...

Виктор уже видел их раньше. У переправы через Березину мимо расположения полка вели колонну власовцев. На рукавах нашивки с буквами «РОА», «русская», значит, «освободительная армия». Но лица не русские — азиаты одни. В части уральцев тоже немало солдат-азиатов: узбеки, казахи, киргизы... Вдруг они как заалалакали по-своему, подскочили — и к пленным! Молотить их начали почем зря, страшно били: конвой с трудом растащил, да еще и помогать конвою пришлось — не справлялся... Виктор тогда вспомнил, как поляки под Ленино своих голыми водили. Наши с предателями разбирались круче.

ПОД КЕНИГСБЕРГОМ

Мало приятная для слабо воспитанных людей вещь, для некоторых даже болезненно невозможная — необходи-

мость подчиняться обстоятельствам и другим людям, — на войне приобретает значение особое и становится делом

драматическим, порой даже непреодолимо трагичным. Лучшее, что тут можно придумать, чем помочь себе и другим, — чувство меры и уважение к собственным и чужим правам и обязанностям. Совокупно эти качества не позволяют людям, имеющим власть, злоупотреблять ею, а тем, кто находится в подчинении, дает возможность сохранять достоинство, не потакавая излишне чванливым начальникам и не впадая в унижительную зависимость к снобам и самодурам.

Заместитель командира полка по строевой части майор Баринов не пропускал случая придаться к Ваганову. Повод был — Виктор одевался не по форме, и заму по строевой это не могло нравиться. Командиру, однако, Баринов ничего не говорил. Отношения у него с Одеговым сложились не очень теплые, подчеркнута официальные. Комиссар подполковник Аброськин, человек пожилой, тихий, в эти отношения не вступал. Равно и на форму Ваганова внимания не обращал. Баринов единственный, кто делал Виктору замечания:

— Старший сержант, почему вы ходите в офицерской форме? — в очередной раз задавал он вопрос случайно попавшемуся на глаза адъютанту командира полка.

И в очередной раз слышал в ответ:

— Спросите, пожалуйста, об этом у командира.

После гибели комполка, на должность которого назначили зама по строевой, Виктор не мог оставаться адъютантом — и Баринов, и сам Ваганов не хотели этого.

Ситуация, однако, не казалась Виктору Андреевичу шибко неприятной. Что бы себе ни думал Баринов, отправляя бывшего адъютанта в артиллерийский (поближе к пушкам и немцам) дивизион, это едва ли напрямую грозило старшему сержанту большим риском, едва ли непременно увеличивало его шанс не дожить до конца предстоящего боя или ближайшего сражения — не будем говорить о конце войны, поскольку на фронте так далеко загадывать просто бессмысленно.

Ваганов оставался художником при политотделе дивизии и редакции дивизионной газеты, регулярно мотаясь с передовой в недалекий тыл, рискуя по-

пасть в любую, неожиданную для него, но обыденную для войны неприятность.

В штурме Кенигсберга, сдавшегося на милость победителей лишь девятого апреля 1945 года (более девяноста тысяч солдат и офицеров во главе с комендантом крепости генералом Ляшем, огромное количество боевой техники и военных припасов!), 371-я дивизия непосредственно не участвовала, но весьма способствовала его взятию. Уральцы брали города: Шталлупенен, Гумбинен, Кальхольц, Велау, Инстербург, Фридланд, Пиллау; дважды с боями выходили к заливу Фришес-Хафф. Все это стоило многих жизней, немалой солдатской крови. И вряд ли редакцию дивизионной газеты можно считать местом спокойным, тем более безопасным (в конце концов, итог войны для «Сталинца» определился чувствительными потерями: погибли редактор, два корреспондента, наборщица; пятеро сотрудников получили ранения).

Прежде чем рисунок Ваганова попадал на газетную полосу, Виктору следовало побывать на передовой, сделать зарисовку с натуры, вернуться в редакцию и ночью, при копилке, вырезать клише на линолеуме. В части он старался ходить с кем-нибудь из газетчиков или политотдельцев — с ними проще организовать работу. Естественно, приходилось попадать под обстрелы и бомбежки.

Во время штурма Кенигсберга дивизионка располагалась в бункере подземного нефтеперегонного завода в часе пешего хода от городской окраины. Бензина там уже не было — немцы выкачали до капли.

Грохот ожесточенного сражения сотрясал землю, от оглушительного гула войны раскалывалось небо. Собственно, небо над Кенигсбергом скрылось, пропало — на километры поднималась над городом серая туча гари, дыма и пыли. Волна за волной в этой туче исчезали наши самолеты и через пару-другую минут обрушивали на крепость тысячи и тысячи бомб. Самолетов было столько, что к ним уже не подходили слова «много» и даже «очень много». Тут, скорее, годились понятия «армада» и «тьма».

Как-то к бункеру привели человек сорок пленных фольксштурмовцев. Пят-

надцати-, шестнадцатилетние немчата потерянно озирались и куксились, размазывая слезы по грязным лицам. При них оказалась лишь один настоящий «дойчен зольдат» — пожилой пехотный ефрейтор. Вскоре пленных увели...

Они еще не знали, что идут по улицам будущего советского города Черняховска. Сейчас это был Инстербург, недавно взятый нашими войсками небольшой прусский городок, заметно пострадавший от прокатившихся через него боев.

Они — это капитан Жилмостных, секретарь редакции газеты «Сталинец», и художник старший сержант Ваганов. И не будь они газетчиками, все равно едва ли прошли бы мимо уцелевшего здания гестапо. А тут уж не просто человеческое любопытство — любопытство профессиональное, даже, можно сказать, переходящее в служебный долг.

Ко многому привыкшие за войну, давно, кажется, разучившиеся чему-то удивляться, Жилмостных и Ваганов оказались если и не потрясены, то, во всяком случае, несколько обескуражены тем,

что увидели в бывшем гестапо. В одном из залов обнаружилась обширная библиотека — для служебного, разумеется фашистского, пользования. На стеллажах среди прочих и всяких изданий стояли немецкие переводы русских писателей: Пушкина, Толстого, Достоевского... И Жилмостных, и Ваганов отнеслись к открытию спокойно. Конечно, немцы, ежели считают себя культурными, должны читать лучшую в мире классическую русскую литературу.

Но вдруг на глаза попалась особняком стоящая полка с экземплярами романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Это уж, как говорится, ни в какие ворота не лезло. Жилмостных и Ваганов недоумевали. Старик немец, возможно хранитель библиотеки, — как-то они не догадались уточнить должность и выяснить оправданность самого его пребывания в бывшем инстербургском застенке — объяснил: по этой книге гестаповцы изучали русский характер! Правду, не правду ли поведал гроссфатер, но они поверили ему и скоро даже напечатали об этом материал в «Сталинце».

НА ВОСТОК

Прежде чем Ваганов, числящийся командиром орудия, но фактически уже не служивший в 930-м артполку, стал (уже до конца войны) внештатным художником дивизионной газеты, он какое-то время побыл еще и в топографическом взводе. Переход в газетчики произошел под праздник, но вполне прозаично. Двадцать восьмого октября 1944 года, когда уральцы вели бой под Гумбиненом в Восточной Пруссии, Ваганова вызвал начподив полковник Лыткин:

— Надо оформить ноябрьский номер, иди в редакцию, до моего распоряжения будешь там.

«Будешь там» растянулось до самого Порт-Артура, о котором на войне с фашистами никто и не вспоминал...

Тридцатого апреля 1945 года 371-ю Витебскую Краснознаменную, орденов Кутузова и Суворова стрелковую дивизию

погрузили в эшелоны и повезли из-под Кенигсберга на Дальний Восток.

Победа застала уральцев в Свердловске. Пользуясь коротким передыхом, редактор Комаров решил с коллективом «Сталинца» наведаться в баньку. Ваганов знал дорогу: водили его в армейскую баню еще до отправки на фронт, когда он общался в учебном артиллерийском полку к своей первой военной специальностью.

Ну и пошли. А баня — закрыта...

Газетчики — народ творческий, думу думали недолго. Идею подкинул Жилмостных:

— Помыться не пришлось, так, может, обмоем?

Речь, разумеется, шла о Победе. Безусловно патриотичное предложение ответсека дружно поддержали. Но первоначально представилось оно неосуществимым технически: ни у кого не имелось денег. Тут Ваганов, смущенный тем,

что с баней не вышло, и чувствующий некоторую вину перед товарищами, реабилитировался: знал он не только про баню, но и про ближайший, в двух шагах, рынок. Показалось совершенно излишним возвращаться в расположение с непригодившимся чистым бельем. Тетки-торговки с руками оторвали его за подходящую цену, и первый праздник Победы получился очень даже достойным памяти всех участников...

Пройдет совсем немного времени, и Ваганов уже не сможет вспомнить, рассказывал ли он это коллегам по редакции или только молча думал про себя. Захмелевший от весны, от воздуха родины (спиртного он не пил) и — в тысячу раз сильнее! — от невыразимого, потрясающего, ни с чем не сравнимого чувства, данного раз в жизни лишь тем, кто его пережил: «Мы победили!!!», Ваганов обернулся своей солдатской памятью к прошлому, к самому зачину своей военной судьбы. Словно со стороны, как будто даже с некоторого чувствительного расстояния, слегка размывающего, затгивающего дымкой, видел он картины былого. Свердловские и чебаркульские военные лагеря, где он, молоденький необстрелянный мальчишка, не знавший запаха пороха, осваивал верховую езду и пушку-сорокапятку, ловил каждое слово фронтовиков, переживал, волновался, слушая сводки «Совинформбюро». Винский эшелон — не этот, что теперь вез его с запада на восток, а тот, идущий на запад с востока — навстречу войне. Много всяких и разных мыслей роились, ворочались в голове свежеспеченного солдата под стук колес катившейся от Урала к Москве теплушки, но одна мысль беспокоила его больше других прочих.

ЗА БОЛЬШИМ ХИНГАНОМ

В Мучной дивизия выгрузилась из эшелонов, через Черниговку выдвинулась на Лунзу. В который раз пополнилась и, готовясь к боям, сконцентрировалась у границы. В Маньчжурию старший сержант Ваганов вошел восьмого августа, в первом броске.

«Я еду на войну, — думал солдат. — Я единственный, кто остался живой из моей семьи. Нет у меня ни родителей моих, нет ни сестры, ни брата. Неужели на мне прервется род, существовавший от сотворения, переживший сотни войн и тысячи лет? И — ничего, никого больше не останется от этого рода, не останется и никогда уже не будет на земле ни одного Ваганова? Неужели погибну?.. Не может этого быть, это — несправедливо». Так думал Ваганов без малого четыре года тому назад, и теперь, оказавшись на месте, откуда все начиналось, он вспомнил об этом. Нет, ему не было стыдно перед теми, кому не выпало выжить на войне, кто уже никогда не мог вернуться домой. Он не чувствовал вины за то, что судьба подарила ему такой подарок, что случилось ему остаться живым, что свершилось все именно так, как мечтал он на нарах спешащей на войну теплушки. Это так ясно: если бы всех убивало на фронте, если бы все гибли, то не было бы свидетелей войны. Вот это ему теперь казалось важнее всего — у войны должны быть свидетели!

И все-таки... Есть на земле люди, которым просто нельзя не верить в чудеса. И хотя Виктор Ваганов пожизненный неисправимый материалист, многое в его судьбе можно объяснить только чудом. Война для него закончилась здесь, на Урале, откуда начиналась его солдатская дорога, закончилась ни раньше и ни позже — Девятого мая сорок пятого года, день в день с Великой Победой. Разве это не чудо?!

Но фронтовика уже ждала другая война, и через пару с небольшим месяцев Виктору Андреевичу предстояло все начинать сначала.

Тут и опытным фронтовикам другой опыт понадобился. И, опять же, другая удача. Не все и самые искушенные из них дошли, скажем, до Муданьцзяна, как удалось Виктору Андреевичу. И здесь все могло кончиться для него...

Двенадцатого августа редакционные машины остановились километрах в четырех от Муданьцзяна, в кустарнике. В городе кипел жаркий бой. Эхо гулко разносилось по окрестным сопкам. Над головами с ревом проносились штурмовики, скрываясь в облаке дыма, висевшего над городом...

Виктор служил в редакции внештатным художником. Ему и печатнику Крушину было поручено еще заниматься кухонными делами.

Взяв ведро с картошкой, чтобы помыть-почистить, Ваганов направился к блестящей за полем гаоляна речке. Вышел на берегу клубни на песок и только протянул руки к воде, как неожиданно сзади грохнули один за другим два выстрела.

Он инстинктивно пригнулся к земле, но выстрелов больше не последовало. Поднял голову: шагах в двадцати стоит шофер Ваня Барабанов, бледный, с наганом в руке. Взор его устремлен в сторону гаоляна, рядом валяются две канистры. Виктор глянул туда же, и мороз пробежал по коже! В каких-нибудь десяти метрах, уткнувшись лицом в песок, лежал японец. Дык-под него торчала винтовка со штыком.

Барабанов шел вслед за Вагановым набрать в канистры воды. Вдруг из гаоляна выскочил японец и бросился с винтовкой наперевес к ничего не подозревающему товарищу. Иван не помнил, как в его руке оказался наган, как он дважды выстрелил в японца. Одна из пуль угодила в голову.

Смерть и дальше не раз играла в прятушки с русским солдатом. Маньчжурию он прошел в составе редакции дивизионной газеты. После Муданьцзяна и Чанчуня, с капитуляцией Японии, газету перевели в Новогеоргиевку и там расформировали.

Газета Приморского военного округа «Сталинский воин», куда попал Ваганов, находилась в Уссурийске. Вскоре закрылась и она. Впереди был Порт-Артур, армейская газета «Во славу Родины».

В Порт-Артуре художники из студии имени Грекова взяли его в свою команду. Писали для музея советско-китайской дружбы копии известных батальных картин. Ваганов приложился кистью к «Штурму Зимнего» Соколова-Скала и к

авиловскому полотну «На Мамонтова». Были еще «Гибель японских крейсеров «Ишима» и «Хатцусе» на русских минах в 1904 году» и ряд прочих работ. И над памятниками трудился Ваганов — уже в составе другой творческой группы. Стодились талант и опыт, еще до войны приобретенный на Урале. После окончания художественно-промышленной школы в Кунгуре сирота-беспризорник Витя Ваганов успел победить в нескольких престижных конкурсах, украсив своей работой и самую знаменитую Выставку достижений народного хозяйства в столице. И на фронте артиллеристу, разведчику, почтальону, художнику, топографу, адьютанту командира полка довелось побыть скульптором — по приказу комиссара дивизии полковника Новожилова.

Дело было так. Двадцать второго мая 1942 года дивизионная агитбригада давала концерт на передовой у деревни Погорелки под Ржевом. Внезапно немцы пошли в атаку. Старший лейтенант Григорий Александрович Водаков, до войны композитор, дирижер Смоленской филармонии, на фронте — заместитель начальника штаба 1231-го стрелкового полка и потом руководитель этой самой агитбригады, играя на аккордеоне «Интернационал», устремился навстречу врагу в первых рядах контратакующих. Наступление немцев отбили, но Водаков погиб. Его похоронили в деревне Степакино. Комиссар распорядился поставить на могиле памятник. Ваганов вырезал бюст из дерева — другого материала не нашлось.

В Китае наши скульпторы сделали тридцать девять проектов. Некоторые воплотили в материал. Что-то до сих пор стоит. Монумент воинам-освободителям на русском кладбище, например. В Порт-Артур китайцы перенесли его из Даляня, бывшего, по-нашему, Дальнего. К этому монументу Виктор Ваганов имеет самое непосредственное отношение.

Но больше сгинуло в чертежах и рисунках. Говорили потом, якобы Мао Цзэдун запротестовал: «А не слишком ли много будет чужих памятников на нашей территории?» И вскоре Порт-Артур отдали. Никита Хрущев приехал: «Что вы тут делаете, вот вам три месяца и чтоб вас тут не было».

ОСТАЛСЯ СОЛДАТОМ

После всех передислокаций, перереформирований, демобилизаций и т. д. Виктор Ваганов оказался в газете Тихоокеанского флота «Боевая вахта». Пройдя войну на западе и войну на востоке, с 1954 года более полувека фронтовик, заслуженный работник культуры РСФСР Виктор Андреевич Ваганов держал в руке свое главное оружие — кисть и карандаш. Это была третья, самая долгая его война. Ее называли холодной, но войной от этого она быть не переставала.

Посреди лета 2011 года в высотке на улице Чкалова во Владивостоке раздался звонок из города, в который в середине декабря 1941-го входили солдаты-освободители 1233-го стрелкового полка 371-й стрелковой дивизии. Из Клина ветерану взволнованно сообщили, что нашли героя, о котором до сих пор не знали, и попросили дать по телефону интервью для радио.

На том конце провода удивились ясному уму и отменной памяти человека, которому оставалось до девяностолетия каких-то три года.

Через месяц дети, внуки и сослуживцы по «Боевой вахте» проводили Виктора Андреевича в последний путь.

В музее имени Владимира Клавдиевича Арсеньева — главном музее Приморского края — осталось более шестисот раритетов, составивших фонд военного художника Ваганова. В архивах, в библиотеках страны — подшивки газет с неслыханным количеством его работ. Образ его — в сердцах всех, кому посчастливилось быть с ним рядом.

Свет памяти, пример, подвиг и Победа солдата останутся с нами, пока мы будем достойны его памяти, его примера и подвига, его — на самом деле навеки нашей — Победы.

